

**Дискуссии социологов о настоящем России.
XVII Апрельская международная научная конференция
по проблемам развития экономики и общества.
Москва, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
19–22 апреля 2016 г.¹**

Павел Сушко*

19–22 апреля 2016 г. в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» состоялась XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Данное научное мероприятие традиционно славится академическим подходом к осмыслению ключевых проблем современной России. В этом году ведущие практики и теоретики отечественной и мировой науки, опираясь на собственные исследования и разработки, анализировали текущие социальные проблемы в контексте структурных трансформаций российского общества.

В частности, состоянию и динамике социальной структуры была посвящена одна из пленарных сессий конференции, на которой представили свои доклады такие ведущие отечественные исследователи, как Л. Д. Гудков («Парадоксы изучения социальной структуры в России») и Н. Е. Тихонова («Российское общество: «проклятье» социальной однородности или движение к классовой дифференциации?»), а среди спикеров следует отметить выступления О. И. Шкаратана, Л. Б. Косовой, В. В. Радаева и др.

С проблем изучения социальной структуры начал свое выступление Л. Д. Гудков. Он выделил два ключевых направления, над которыми работают российские социологи: первое связано с определением параметров бедности и, соответственно, сущности социального неравенства; второе касается формирования среднего класса, выступающего основой социальной стабильности. Отдавая дань сложившимся подходам при изучении тех или иных стратификационных систем (уровень дохода, образование, занятость, место жительства и т. д.), исследователь особое место отводит статусной самоидентификации с тем или иным слоем.

Однако, как отмечает автор, перед учеными возникает принципиальный вопрос интерпретации результатов исследований, которые он связывает с размытостью и нечеткостью контуров социальных групп в России. При этом он отмечает, что, согласно опросу Левада-Центра, около 85% опрошенных россиян относят себя к среднему классу. Вполне понятно, что получение таких данных вытекает из определенного методологического подхода. Другие авторы приводят цифру фактически вдвое меньшую указанной выше. Л. Д. Гудков обосновывает полученный им показатель на основе понятия

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14–03–00306а «Наемные работники в современном российском обществе: дифференциация и динамика развития».

* Сушко Павел, кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, специалист по научно-исследовательской деятельности социологического факультета ГАУГН. sushkope@mail.ru.

Рис. 1. Пленарная сессия «Состояние и динамика социальной структуры». 21 апреля 2016 г.
Фото автора

«серединности», то есть ориентации индивидов на то, чтобы быть, как все. Понятие «серединности» поднимает еще ряд важных проблем, связанных с отсутствием консолидированных политических интересов, аморфностью классовых позиций, патерналистскими моделями поведения и т.д. Так или иначе, по словам Л. Д. Гудкова, такая ориентация на самовозвышение, выражающаяся в формуле «быть не хуже, чем все, но быть немного лучше, чем совсем плохо», размывает социальную структуру и блокирует потенциал развития общества.

Однако такая позиция вызывает некоторые вопросы. Нам представляется не совсем удачным выбор понятия «серединности». То, что стоит за ним (как раскрывает этот термин автор), по сути означает нежелание респондентов выделяться из социального окружения. Может быть, лучше говорить, в рамках приведенного автором объяснения, не о «серединности», а о конформизме индивидов, старающихся скрыть свои подлинные намерения идентифицировать себя с теми социальными группами, с которыми они чувствуют свою социальную близость.

Представляется спорной и мысль о том, что формула «быть не хуже, чем все, но быть немного лучше, чем совсем плохо» размывает социальную структуру и блокирует потенциал общественного развития. Самоидентификация со средним классом есть симптом модерна и вряд ли может размывать социальную структуру и блокировать восходящее развитие социума. Скорее таким ограничителем выступает конформизм, стремление быть как все. Это симптом слабо дифференцированного общества, находящегося, или «топчущегося», у входа в модерн. Изложенные замечания не ставят под вопрос сам подход Л. Д. Гудкова, основанный на субъективных критериях социальной стратификации. Выделение социальных групп не только по социально-экономическим, но и по идентификационным признакам представляется весьма перспективным подходом и наследует

ту линию развития в западной социологии, которая концентрируется на анализе понятия «субъективного класса».

Контрастом к подходу Л. Д. Гудкова выступает позиция Н. Е. Тихоновой, для которой важнее объективные критерии выделения социальных групп. В своем докладе она отметила, что в современном российском обществе находит все большее понимание рост его социальной неоднородности, несмотря на то, что значительная часть населения (это главным образом люди пенсионного возраста) не может смириться с ростом социальной дифференциации. По мнению Н. Е. Тихоновой, многие видят в углублении социальной дифференциации условие обеспечения стабильности как на индивидуальном, так и на государственном уровне.

Н. Е. Тихонова считает, что рассматривать современную социально-стратификационную модель российского общества нельзя вне исторического контекста. Анализируя идею о неократическом обществе (одним из сторонников которой является профессор О. И. Шкаратан, согласно которому российское общество — это сословно-слоевое общество), Н. Е. Тихонова частично оспаривает этот тезис, полагая, что классы в современном российском обществе все же есть. По ее мнению, о наличии классов свидетельствует принадлежность индивида к определенному месту в системе экономических отношений, в которой он функционирует. Классы связаны с различиями в экономическом положении групп и их неравенством во владении различными дефицитными ресурсами, приносящими доход.

Н. Е. Тихонова отметила, что представители разных классов очень сильно различаются по жизненным шансам в разных областях. Это особенно касается квалифицированной части населения, у которой эти шансы ухудшаются из года в год, а в кризис уменьшаются опережающими темпами по сравнению с остальным населением. Такие тенденции, по мнению Н. Е. Тихоновой, могут реанимировать идеи уравнительности и дистрибутивной экономики, когда меритократические принципы уходят на задний план, человеческий капитал перестает играть свою определяющую роль в социальном росте индивида, а властный ресурс начинает доминировать над остальными. Это способствует формированию общественной системы с отсутствием принципов конкурентности, что совершенно не устраивает высокодоходные слои населения и подталкивает их к эмиграции.

На первый взгляд, подход Н. Е. Тихоновой не вызывает возражений. Социальное неравенство очевидно для всех, и оно нагляднее всего выражается в социально-экономической сфере. Однако перенос понимания классов в экономическую плоскость представляется односторонним по ряду причин. Во-первых, экономическое объяснение феномена класса является узким. Оно исходит из преобладающей роли экономического капитала в процессе классовобразования и недооценивает роль в этом процессе других (неэкономических) форм капитала.

Во-вторых, говоря о наличии классов в российском обществе, следует иметь в виду общий контекст, в котором они функционируют. По нашему мнению, им является неократическое общество, исторически присущее России. В таком обществе основополагающим ресурсом является административно-политический капитал, значение которого при обсуждении вопросов социальной стратификации игнорировать никак нельзя.

Возникает вопрос: могут ли существовать классы в этакратическом обществе? Или в них возможна только сословно-слоевая структура? Это спорный вопрос, и он требует отдельного состоятельного обсуждения. Н. Е. Тихонова склоняется к тому, что классы скорее должны исключать этакратизм. На наш взгляд, это не всегда так происходит, даже если классы рассматривать как неравные между собой экономические группировки. Современное российское общество — сложный феномен. Оно многоукладно, и в нем уживаются самые разные социальные общности, в том числе классового типа.

В-третьих, сама Н. Е. Тихонова признает, что формируется закрытая социальная система с доминированием властного ресурса. А это лишь подтверждает оценку тех, кто считает российское общество неэтакратическим. Это не означает, что в таком обществе нет места классовому анализу. Это означает, что такой анализ должен считаться с другими подходами. Если Н. Е. Тихонова не разделяет взгляд на российское общество как неэтакратическое, то означает ли это, что она принимает представление о нем, как рыночно-капиталистическом обществе? Ясного ответа у нее не просматривается, но перспектива классового подхода в трактовке Н. Е. Тихоновой вписывается в логику положительного ответа на поставленный вопрос.

О. И. Шкаратан не согласился с доводами Н. Е. Тихоновой, ставящими под сомнение этакратический характер современного российского общества. Его корни он усматривает еще в том времени, когда Древняя Русь находилась под татаро-монгольским игмом. По мнению российского ученого, именно социальная система Золотой Орды стала источником этакратической организации русского общества. Можно спорить по вопросу о том, была ли именно ордынская структура власти источником российского этакратизма, но ходу мыслей О. И. Шкаратана присуще стремление исторически обосновывать формулируемый им постулат.

Следует отметить и выступление Л. Б. Косовой, где была предпринята попытка найти тот образ, который мог бы адекватно передать суть социальной структуры современного российского общества. Она использовала образ пирамиды для определения природы социальной структуры современной России. Все выступавшие сошлись на том, что в современном российском обществе отсутствует институционализация социального протеста.

Как бы там ни было, говоря о социально-классовой структуре современного российского общества, мы должны учитывать тот факт, что в отечественной социологической литературе так и не сложилось устоявшегося мнения о том, к какому типу общества относится современный российский социум. Однако при рассмотрении вопросов социальной стратификации исследователь должен избегать идеологизированных суждений и учитывать тот факт, что российское общество характеризуется статусной рассогласованностью, описать которую традиционными классовыми схемами не всегда возможно. Необходимо принимать во внимание гендерные, этнические, территориальные, поселенческие, социально-культурные и потребительские различия. Именно учет этих показателей позволит уйти от одностороннего социологического анализа и выделить специфические микро-стратегии, реализуемые различными группами населения.

Таким образом, представленные доклады позволили с разных сторон взглянуть на протекающие в российском обществе трансформационные процессы социальной структуры, оценить положение различных социальных групп и слоев на стратификационной шкале, осмыслить ключевые проблемы и тенденции общественной жизни, во многом определяющие общий вектор развития нашей страны.